

М. М. Кром

**«Самодержавная монархия
деспотического типа»:
В. М. Панеях о Русском
государстве конца XV — XVI в.
(историографические заметки)**

В 2021 г. исполнилось 25 лет с момента выхода коллективной монографии «Власть и реформы. От самодержавной к советской России». В этом капитальном труде, ставшем заметным явлением в отечественной историографии, перу Виктора Моисеевича Панеяха принадлежала обширная первая часть, посвященная становлению российской государственности в XV–XVII вв¹. Впрочем, XVII ст. там была дана лишь очень сжатая и схематичная характеристика, а в центре внимания историка оказалась эпоха формирования и развития Российского государства –

¹ *Панеях В. М.* Русь в XV–XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // *Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 13–110. Второе издание книги вышло через 10 лет в издательстве «Олма-Пресс»: *Власть и реформы. От самодержавной к советской России*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006 (текст В. М. Панеяха — с. 10–102). Далее ссылки даются на первое издание (номера страниц приводятся в тексте в круглых скобках).

от династической междоусобной войны второй четверти XV в. до конца царствования Ивана IV. Этот очерк стал последним крупным трудом ученого, посвященным средневековой Руси: в дальнейшем В. М. полностью сосредоточился на изучении судеб историков и исторической науки в советский период.

Однако написанный В. М. Панеяхом раздел в книге «Власть и реформы» представляет сегодня интерес не только как эпизод творческой биографии известного историка. На мой взгляд, главная ценность этого насыщенного мыслями и наблюдениями очерка состоит в том, что в нем нашла отражение смена парадигм в изучении политической истории России XV–XVI вв. В. М. решительно поддержал пересмотр доминировавших в советской историографии оценок характера Московского государства и путей его формирования, начатый А. А. Зиминым и его школой. Вместе с тем ряд сделанных В. М. наблюдений находился уже в русле новых тенденций, характерных для современного этапа изучения затронутых историком проблем. Эта историографическая связь времен и станет предметом моих размышлений в предлагаемой статье.

* * *

Самой заметной чертой исторической литературы постсоветского периода стал своего рода «терминологический плюрализм». Со времени печально известной дискуссии в журнале «Вопросы истории» об образовании Русского централизованного государства (1946), начатой статьей П. П. Смирнова с «исправленным» редакцией названием², именно этот термин надолго утвердился в советской историографии. Он фигурировал в заголовках ряда монографий и коллективных обобщающих

² Как показал А. Л. Юрганов, в окончательном авторском варианте статья П. П. Смирнова называлась «Образование русского национального государства»; редколлегия журнала заменила слово «национальное» на «централизованное». См.: Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 7, 9, 546; подробный анализ дискуссии 1946 г. см.: Там же. С. 523–572.

трудов, опубликованных в 1950-х годах³; так же называлась и книга Л. В. Черепнина (1960) — фундаментальное исследование, призванное обосновать советскую марксистскую концепцию формирования российской государственности⁴.

Но уже А. А. Зимин в работах 1970-х годов позволил себе отойти от установленного канона. В книге об эпохе правления Василия III историк, ссылаясь на ленинские слова о «живых следах прежней автономии», сохранявшихся в Московском царстве, выступил против существовавшей в литературе «переоценки степени централизации государственного аппарата». По словам ученого, «объединение земель под великокняжеской властью само по себе не означало еще создания централизованного государства»⁵. Отказавшись от этого последнего термина, А. А. Зимин называл державу Ивана III и Василия III «единым Русским государством»⁶.

Точку зрения и аргументацию А. А. Зимины полностью принял и поддержал В. Б. Кобрин⁷. Но многие исследователи вплоть до конца 1980-х годов продолжали использовать термин «Русское централизованное государство», причем одни

³ *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952; *Масленникова Н. Н.* Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; *Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.* В 2 ч. Ч. II. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства. М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV — XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в.* М., 1955.

⁴ *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.

⁵ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 6.

⁶ Там же. С. 396–397; *Зимин А. А.* 1) Россия на рубеже XV—XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 8, 56, 233; 2) Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 190.

⁷ *Кобрин В. Б.* 1) Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 48–49; 2) Иван Грозный. М., 1989. С. 14–15.

из них, подобно Ю. Г. Алексееву, применяли этот термин последовательно и целенаправленно⁸, а другие, вероятно, — просто в силу сложившейся традиции⁹. Кроме того, привычный термин по-прежнему использовался в преподавании¹⁰.

Новый раунд дискуссии о характере Русского государства конца XV — XVI в., сопровождавшийся ревизией прежней терминологии, начался в 1991 г. Одним из самых ярких научных событий года, бесспорно, стал выход в свет написанного еще в конце 1970-х выдающегося труда А. А. Зимина «Витязь на распутье», в котором содержалась весьма нелестная характеристика победителя в междоусобной войне — Василия II и его социальной опоры — «хищных грабителей из Государева двора»¹¹. Историк подверг сомнению традиционный тезис о «прогрессивности» создания единого государства под властью Москвы, и вдруг оказалось, что русский витязь выбрал путь, ведущий к несвободе...

Об альтернативных путях развития страны шла речь и в статье В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганова о становлении деспотического самодержавия в России, опубликованной в том же году в журнале «История СССР». По мысли авторов, вассально-договорные отношения, связывавшие князя и его дружину в домонгольский период, впоследствии — под влиянием ордынского ига и форсированной централизации — уступили место подданству-министериалитету в холопской форме¹².

⁸ *Алексеев Ю. Г.* 1) Историческая концепция Русской земли и политическая доктрина централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10). Л., 1987. С. 140–154; 2) Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 3, 59, 76, 115 и др.

⁹ *Кушкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 26; *Кольцова Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 9.

¹⁰ Автор этих строк до сих пор хранит конспекты лекционного курса под названием «Российское централизованное государство», который в 1983 или 1984 г. читал в ЛГПИ им. А. И. Герцена Н. Е. Носов.

¹¹ *Зимин А. А.* Витязь на распутье... С. 208.

¹² *Кобрин В. Б., Юрганов А. Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

В последнем номере того же журнала за 1991 г. была опубликована статья А. Л. Хорошкевич, посвященная сталинскому периоду в историографии опричнины и централизованного государства. Исследователь показала влияние сталинской идеологии и, в частности, официально насаждаемой апологии Грозного и его опричной политики на работы историков конца 30-х — середины 50-х гг. Что же касается концепции «централизованного государства», то автор статьи отметила «разной» в понимании этого термина, его «недостаточную научную глубину, несоотнесенность с категориями мировой истории»¹³.

Через несколько лет в интервью журналу «Родина» А. Л. Хорошкевич вновь заявила о том, что выражение «Русское централизованное государство» «неверно отражает ход исторического процесса», предложив заменить его термином эпохи: «Русское государство»¹⁴. Участники состоявшейся затем на страницах этого журнала дискуссии (включая автора этих строк), расходясь между собой по ряду вопросов, в основном согласились с мнением А. Л. Хорошкевич о неудачности упомянутого термина; при этом С. О. Шмидт, отдав предпочтение выражению «единое государство», выступил против «немедленной смены вывесок», поскольку, на его взгляд, «главное не в термине как таковом, а в содержании, которое историк вкладывает в него на своем уровне мастерства и владения источниками»¹⁵.

Последний тезис получил дальнейшее развитие в выступлении Д. М. Володихина, высказавшегося за множественность подходов и усомнившегося в важности терминологического

¹³ Хорошкевич А. Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85–100, цит. с. 95.

¹⁴ Государство всея Руси. Беседа с А. Хорошкевич // Родина. 1994. № 5. С. 21–26, цит. с. 25.

¹⁵ Смирнов А. А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34–38; Кром М. М. Когда отзвонил вечевой колокол // Родина. 1995. № 6. С. 35–39; Шмидт С. О. Единое европейское государство // Родина. 1995. № 9. С. 68–72, цит. с. 69.

единства; с его точки зрения, все предложенные участниками дискуссии названия России XVI–XVII вв.: Русское, единое Российское, Московское государство — одинаково уместны¹⁶.

На первый взгляд, подобный плюрализм, за который ратовали С. О. Шмидт и Д. М. Володихин, можно только приветствовать, видя в нем освобождение от унаследованного от сталинских времен догматизма. Однако, по сути, отказ от терминологической четкости сделал невозможным обсуждение серьезной проблемы — *характера* Русского государства изучаемой эпохи; проблема свелась некоторыми участниками дискуссии к вопросу о *названии* этого государства, о чем и в самом деле спорить не имеет смысла.

* * *

Таков был историографический контекст появления в 1996 г. большого очерка В. М. Панеяха о «становлении и эволюции власти русских царей». Детально анализируя генезис и природу новой русской государственности, основы которой были заложены при Иване III, В. М. активно использовал выводы А. А. Зимина, А. Л. Хорошкевич, Ю. Г. Алексеева, В. Б. Кобрина, А. Л. Юрганова и других ученых, но вносил в них коррективы, добавлял свои наблюдения, по-новому расставлял акценты и в итоге представил собственную целостную концепцию изучаемого процесса.

Так, характеризуя в первой главе политическую эволюцию русских земель до середины XV в., В. М. поддержал гипотезу В. Б. Кобрина и А. Л. Юрганова о зародившихся еще в домонгольский период двух тенденциях в развитии древнерусской государственности: вассально-договорной и подданнической, но, в отличие от самих авторов, победу в конечном счете второй тенденции (подданства-министериялитета) он был склонен объяснять не только деформирующим воздействием монгольского нашествия и длительного ордынского ига, но и особенностями договорных отношений на Руси, а также ее незнакомством с традицией римского публичного и частного права, что, по мнению

¹⁶ Володихин Д. М. Ты не прав, XVI век? // Родина. 1996. № 12. С. 42–46, здесь — с. 43.

В. М., ограничивало «возможность эволюции государственности по пути, аналогичному западноевропейскому» (с. 16).

В. М. согласился с основными выводами книги А. А. Зимина «Витязь на распутье», в том числе с мнением историка о том, что причины победы Москвы над соперниками следует видеть не в мифических преимуществах ее географического положения или успехах земледелия и торговли, а в создании сильного войска (Двора) и в особенностях колонизационного процесса. Но при этом В. М. выразил сомнение в реальности альтернативы, которую Зимин связывал с Севером (владениями галицких князей) и противопоставлял московскому Центру: на взгляд В. М., «хотя победа Севера, и тем более Новгорода, действительно могла означать некоторое ускорение и интенсификацию хозяйственной жизни, все же социальная система Руси XV в. не была приспособлена к радикальным сдвигам и преобразованиям» (с. 20).

Хотя труды предшествующих исследователей, и прежде всего А. А. Зимина, пробили серьезные «бреши» в историографической конструкции, носившей название «Русское централизованное государство», именно В. М. Панеях завершил ее полный «демонтаж», и произошло это на страницах книги «Власть и реформы».

Прежде всего, В. М. убедительно показал, что объединение русских земель не было обусловлено социальными и экономическими процессами: неблагоприятный климат, невысокая культура земледелия, низкая урожайность, слабость городов, натуральный и экстенсивный характер хозяйства, недостаточное развитие феодальных отношений — всё это, по мнению ученого, «вело к экономической обособленности, не создавало общности хозяйственных интересов, которая могла бы стать естественной основой единого государства» (с. 18). Тем самым В. М. отрицал пресловутые «предпосылки» образования Русского централизованного государства в сфере сельского хозяйства, развития городов, ремесла и торговли, которые когда-то пытался обнаружить в реалиях XIV–XV вв. Л. В. Черепнин¹⁷.

¹⁷ См.: *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. Гл. II и III. С. 149–452.

Отверг В. М. и выдвинутую П. Н. Милюковым и освященную в советские годы авторитетом И. В. Сталина концепцию складывания русской государственности под влиянием потребностей защиты от внешней угрозы. Но, возражая против тезиса об оборонительном характере политики московских князей, В. М. отнюдь не отрицал роль военного фактора в создании Русского государства: «Процесс объединения русских земель при Иване III, — писал ученый, — происходил не на основе экономической консолидации, не в результате социальных и политических компромиссов, а путем насильственного присоединения их к Московскому княжеству с опорой на военную мощь» (с. 49).

Более того, по мнению В. М., хотя «преобладание военного аспекта в политике характерно вообще для средневековья, но в формирующемся Русском государстве, которое вело активную борьбу на разных фронтах — внутреннем и внешних, военная сторона отличалась особой гипертрофированностью» (с. 37). Логика этого утверждения становится яснее, если учесть отмеченное выше отсутствие экономической основы и сколь-нибудь массовой социальной базы у процесса объединения: по сути, военная сила в концепции В. М. оказывается главным, хотя и не единственным, инструментом государственного строительства.

При этом, как подчеркнул В. М., территориальное расширение страны не сопровождалось кардинальной перестройкой системы управления; число управленцев (бояр, окольничих, дьяков) при Иване III выросло, но функционально властные полномочия не были дифференцированы как по горизонтали, так и по вертикали, а «великий князь воспринимал государство как большую вотчину, ему принадлежащую» (с. 41). В итоге единство подвластных Ивану III территорий «скреплялось слабым и архаически организованным аппаратом, не имевшим возможности управлять страной централизованно» (с. 42).

Все эти соображения привели В. М. к выводу о несостоятельности широко распространенной концепции об образовании в конце XV в. Русского централизованного государства, и он согласился с критическими замечаниями А. А. Зимина (1972)

и А. Л. Хорошкевич (1991) в отношении указанного понятия. Но и выдвинутая А. А. Зиминим альтернативная концепция — «единого государства» — также не вполне удовлетворила В. М., поскольку она, по его словам, не учитывала наличия «большого массива земель, населенных русскими людьми, исповедовавшими православие», в составе Великого княжества Литовского (с. 48).

Оригинальность подхода самого В. М. к изучению обсуждаемой проблемы заключалась в том, что он применил к Русскому государству конца XV в. юридические категории «унитарное» и «суверенное».

Термин «унитарное государство» в историографии данной темы ранее не употреблялся; по всей видимости, он показался В. М. удачной альтернативой более привычным, но спорным, на его взгляд, терминам «централизованное» и «единое». Понятие «суверенитет» изредка встречалось в литературе 60–80-х годов¹⁸, но именно В. М. сделал его ключевым в анализе внешней и внутренней политики Ивана III: в небольшой главе, посвященной этой теме (с. 32–50), указанное слово и его производные использованы не менее десяти раз! В частности, отмечено, что в результате так называемого стояния на р. Угре (1480) «великий московский князь получил полные суверенные права на подчиненные ему земли» (с. 34); в дальнейшем изложении Иван III именуется «главой унитарного суверенного государства» (с. 44); подробно охарактеризованы усилия по идеологическому обоснованию суверенитета внутри страны и на международной арене (с. 43–48).

По мысли В. М., унитарное государство, которое начало складываться при Иване III, пришло на смену системе «феодальной

¹⁸ См., например: *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 346, 374; *Хорошкевич А. Л.* История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975. С. 115; *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 158; *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. С. 95.

федерации», существовавшей в середине XV в., в конце великого княжения Василия II. Впрочем, ученый был вынужден сделать оговорку о том, что и к концу правления Ивана III наблюдался лишь начальный этап становления унитарного государства, о чем свидетельствует специфический статус «служилых» северских князей, участвовавших со своими отрядами в великокняжеских походах, а также сохранение ряда местных особенностей в Новгороде, Твери и других недавно присоединенных территориях. Таким образом, «государству еще предстоял долгий путь до достижения полного унитаризма, — резюмирует В. М. — Но можно констатировать, что его существенные элементы были заложены именно при Иване III» (с. 42).

Наблюдения В. М. можно существенно дополнить и расширить, напомнив о сохранении внутренней автономии Пскова (до 1510 г.) и продолжении существования формально независимого Рязанского великого княжества (до 1521 г.), находившегося под протекторатом Москвы. Наконец, не следует забывать и о вассальном Касимовском ханстве — татарском анклавом, возникшем на территории Московской Руси (в Мещере) еще в 1445 г. и просуществовавшем до 1681 г.¹⁹

Отмеченное явление — существование под властью верховного правителя ряда автономных и полуавтономных политических образований разного статуса со своими правами и привилегиями — хорошо известно исследователям европейского позднего Средневековья и раннего Нового времени; в специальной литературе оно получило название «композиционной, или сложносоставной, монархии» (*composite monarchy*)²⁰. На мой взгляд, Русское государство на рубеже XV–XVI вв. вполне соответствует признакам «сложносоставной» монархии, но замечание В. М. Панеяха о том, что элементы унитаризма были заложены уже при Иване III, сохраняет свою эвристическую силу,

¹⁹ О первом этапе существования этого ханства (до взятия Казани войсками Ивана IV) см.: *Рахимзянов Б. П.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

²⁰ Подробнее см.: *Elliott J.* A Europe of Composite Monarchies // *Past and Present*. 1992. No. 137. P. 48–71.

как и его наблюдение, согласно которому унитарные черты государственного устройства России получили дальнейшее развитие на протяжении XVI и отчасти XVII в. (с. 49).

Вообще постановка вопроса о тенденциях в сторону унитаризма или «компаративной» монархии в истории России переводит дискуссию о генезисе российской государственности в новую плоскость, что представляется очень желательным после долгих и не очень продуктивных споров о степени централизации страны в XV–XVI вв.

Весьма перспективным кажется и дальнейшее изучение проблемы суверенитета, также затронутой в очерке В.М. Монография польского исследователя Войчеха Пельтца, вышедшая почти одновременно с книгой «Власть и реформы», отнюдь не исчерпывает эту сложную и многоаспектную тему²¹. По моим наблюдениям, идея независимости верховной власти в дискурсе Московской Руси возникла задолго до стояния на Угре (1480): ее истоки могут быть прослежены вплоть до некоторых текстов первой половины XV в.; значительный вклад в повышение престижа московского государя как суверенного правителя православной державы внесла митрополичья кафедра в годы, когда ее занимал Иона (1448–1461); имперско-византийская модель в разработке этой идеи в дальнейшем активно дополнялась патримониальной (вотчинной) риторикой²². Кроме того, нужно учесть, что претензии на суверенитет демонстрировало не только великое княжество Московское, но и его соперники в Восточной Европе и, в частности, Господин Великий Новгород — вплоть до падения вечевой республики в конце 1470-х годов²³.

²¹ Peltz W. Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Góra, 1994.

²² См.: Кром М.М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // Вестник Тверского гос. университета. Серия «История». 2020. № 1 (53). С. 23–36.

²³ Здесь я использую материалы неопубликованного исследования Т.С. Исаевой — это выпускная квалификационная работа, защищенная в июне 2020 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге: Исаева Т.С. Господин Великий Новгород: эволюция политической

Но вернемся к обсуждаемому труду В. М. Панеяха. В его концепции образования Русского государства угадываются знакомые черты классической схемы дореволюционной историографии, очищенной от «наслоений» советского времени: по сути, формирование государства отождествляется с объединением русских земель вокруг Москвы, а движущей силой этого процесса оказываются великие князья при пассивности и разобщенности населения.

Но есть и существенные отличия. Во-первых, хотя В. М. и не ставит вопрос о хронологии изучаемых им политических изменений, но начинает подробное изложение только с итогов феодальной войны второй четверти XV в., а в главе о правлении Ивана III констатирует уже создание суверенного государства. Таким образом, весь процесс укладывается в полвека с небольшим, а не растягивается на два с лишним столетия, как это было в капитальных трудах А. Е. Преснякова и Л. В. Черепнина.

Во-вторых, более сильный акцент по сравнению с предшествующей историографией был сделан на военной стороне изучаемого процесса, которая, по словам В. М., в формирующемся Русском государстве приобрела гипертрофированный характер.

Наконец, в-третьих, несравненно большее внимание по сравнению с маститыми предшественниками В. М. уделил таким аспектам государственности, как суверенитет и форма политического устройства.

В главах, посвященных России XVI в., В. М. проследил дальнейшую эволюцию великокняжеской (а с 1547 г. — царской) власти — в сторону, как он считал, деспотического самодержавия.

По мнению В. М., первый этап формирования самодержавной власти завершился уже в период правления Василия III, но «отсутствие сложившегося государственного аппарата и, как следствие этого, относительная обособленность удельных князей, наместников и волостелей... приводили к тому, что на практике возможности великого князя оставались ограниченными»

формулы в контексте войн и дипломатии Восточной Европы конца XIV — XV веков: дис. ... магистра. СПб., 2020.

(с. 54). Об Иване IV вскоре после его венчания на царство В. М. говорит, что юный государь обладал всей полнотой власти, однако де-факто он ее добровольно делил со своими советниками. «Тем не менее, — продолжает автор, — монархия имела все признаки самодержавной, поскольку не была ограничена никакими другими органами власти или законами» (с. 59).

Здесь, однако, возникает вопрос: разве власть Ивана III была ограничена законом или какими-либо учреждениями? Насколько нам известно, нет. Почему же в таком случае В. М. не оценивает власть этого государя как самодержавную, «приберегая» эту характеристику для его внука Ивана IV? Может быть, дело в развитии государственного аппарата? Но, по мнению В. М., он и в середине XVI в. оставался малоэффективным. И тем не менее исследователь считает «наиболее адекватной» характеристику политического строя России первой половины XVI в. как «самодержавной монархии деспотического типа на том этапе ее формирования, когда государство не сумело еще стать полностью унитарным, а власть самодержавного правителя была еще в силу неразвитости административного аппарата в центре и на местах слабой, вынужденно опирающейся на ограниченные элементы самоуправления, считающейся с рядом традиций» и т. д. (с. 74).

Возможно, логике ученого проясняет следующая фраза: «Практически самодержавный характер власти царя выражался не в том, что в его руках сосредоточивались все нити управления государством, а во все возраставшей возможности в обход его собственных указов карать своих подданных, именно в ничем не ограниченном произволе царя, возведенном в принцип» (с. 70).

При таком понимании самодержавие оказывается синонимом царского произвола, и тогда вполне естественно, что В. М. видит завершающую фазу длительной эволюции власти московских государей в опричнине Ивана Грозного, которая, по его словам, «привела к установлению деспотической формы самодержавного правления» (с. 83).

Полностью соглашаясь с оценкой опричнины как ничем не прикрытого деспотизма, я все же не вижу оснований считать

ее естественным завершением долгого процесса укрепления великокняжеской, а затем царской власти. Все, что мы знаем сегодня об опричнине, позволяет характеризовать ее как чрезвычайный режим, сопровождавшийся разрывом традиции (в том числе традиции «печалования» митрополита за опальных), расколом элиты и массовым террором. Ближайшие преемники Грозного, а после Смуты — цари из династии Романовых, не прибегали к опричным мерам, но это никак не делало их власть менее самодержавной.

Самодержавие, если понимать это слово в том смысле, который в него вкладывали современники в XV–XVI вв., не добавляя позднейших коннотаций, можно определить как суверенную неограниченную монархию, и в этом своем качестве, как форма правления и тип властвования, оно не претерпело, на мой взгляд, каких-то существенных изменений от эпохи Ивана III до начала Смутного времени²⁴.

Уместно также привести здесь мнение известного британского историка-русиста Исабель де Мадариага. Комментируя слова царя из его послания Андрею Курбскому о том, что русские самодержцы изначально сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи, она замечает: «В этих утверждениях Ивана нет ничего, что отличало бы природу суверенной власти в России от власти современников Ивана Франциска I во Фран-

²⁴ В этом плане очень показателен пример, который привел сам В.М. (с. 89): в докончании великого князя Бориса Александровича Тверского с великим князем литовским Витовтом от 3 августа 1427 г. он обратил внимание на слова, удивительно напоминающие фразу Ивана Грозного из его Первого послания князю Андрею Курбскому: «Яз, князь велики Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 23. С. 62). Различие заключается в том, что великий князь Борис Александрович, судя по контексту, имел в виду свою «братию и племя» — тверских князей, которые должны были быть в его «послусе», т. е. послушании, а Иван IV — всех своих «холопов»-подданных. Но сам принцип неограниченной власти правителя, похоже, оставался неизменным на Руси в течение почти полутора столетий, разделяющих упомянутые эпохи.

ции или Генриха VIII в Англии, хотя ее границы были шире: два последних должны были больше считаться с существующими учреждениями»²⁵.

Мысль британской исследовательницы заключается в том, что по своей *природе* власть всех неограниченных монархов Европы в XVI в. была одинакова, а различия между ними коренились в местном институциональном контексте, от которого зависела реализация их властных полномочий. Но отсюда следует, что необходимо перенести внимание с фигуры русского царя, к которой вот уже несколько веков прикованы взоры отечественных историков, на общество, которым государь правил, и институты (в том числе традиции), с которыми он вынужден был считаться. И динамику, на мой взгляд, стоит искать в развитии общества, а не в череде сменявших друг друга монархов.

Каким бы неограниченным по закону (как во Франции) или обычаю страны (как в России) ни был король или царь, *на практике* ему приходилось идти на компромиссы со своим окружением, могущественными корпорациями, парламентом, церковью и т. д. И московский государь не был в этом смысле исключением из общего правила. В. М. приводит несколько примеров такого рода.

Так, Иван III, по словам В. М., должен был делить власть с им же назначенными соправителями: сначала — с Дмитрием-внуком, а затем — с Василием, сыном от второго брака (с. 43). Но зачем понадобилось это соправительство? Очевидно, великий князь рассчитывал таким путем обеспечить переход престола к назначенному им наследнику, поскольку законом эти отношения не регулировались, а традиция престолонаследия по прямой линии — от отца к сыну — возникла лишь недавно и на памяти старшего поколения была оспорена обиженными родственниками, что и привело к междоусобной войне второй четверти XV в.

Осложнения возникли и при следующей смене лиц на престоле, когда Василию III наследовал его трехлетний сын Иван.

²⁵ *Мадариага И. де.* Иван Грозный. Первый русский царь. М., 2006. С. 242.

Сложившуюся тогда ситуацию В.М. очень точно описал как «политический кризис, носивший отчасти династический характер» (с. 55)²⁶.

Поэтому хотя по понятиям того времени власть государя считалась абсолютной, но на практике ее осуществление зависело от его возраста и дееспособности, отношений с братьями и многих других факторов, которые в совокупности можно назвать политической конъюнктурой.

Самым ярким примером сопротивления верховной власти со стороны могущественной корпорации служат отмеченные В.М. неудачные попытки сначала Ивана III, а позднее Ивана IV ограничить рост церковных земель и ликвидировать податные привилегии монастырей (с. 75, 95).

И все же тот факт, что Иван IV смог беспрепятственно произвести опричный переворот и в течение ряда лет осуществлять политику открытого террора, свидетельствует о том, как давно отмечено в научной литературе, что в тогдашней политической системе России не существовало сколько-нибудь серьезных институциональных сдержек или ограничений, способных обуздать царский произвол²⁷. Известно, чем кончились попытки митрополита Филиппа и челобитчиков убедить царя отменить опричнину, а организованного восстания горожан или дворян он мог не опасаться, поскольку в России того времени, как справедливо отмечает В. М., сословия еще не сложились (с. 73).

Историки не раз уже пытались и, безусловно, еще будут пытаться как-то объяснить мотивы действий царя в годы опричнины. В. М. прокомментировал эти попытки следующим обра-

²⁶ Концепцию политического кризиса, со ссылкой в том числе и на работу В.М. Панеяха, я положил в основу своей монографии о борьбе за власть и управлении страной в 30–40-е годы XVI в.: *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

²⁷ См.: *Hellie R.* What Happened? How Did He Get Away with It? Ivan Groznyi's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints // *Russian History*. 1987. Vol. 14. P. 199–224 (об отсутствии институциональных ограничений — p. 219–221).

зом: «Не вызывает... сомнений то обстоятельство, что Иван IV не имел четкого представления о тех задачах, которые было необходимо решить в ходе опричной политики, кроме одной — установления режима тоталитарной неограниченной власти. Любые рационалистические объяснения поэтому — не более чем конструкции, при помощи которых делаются попытки упорядочить и тем самым объяснить хаотические, судорожные, непоследовательные действия Ивана IV, при изменяющихся условиях преследующего лишь одну-единственную цель» (с. 79–80).

Приведенные слова — лучшая из известных мне характеристик особенностей опричной политики, а заодно — и тех трудностей, которые испытывают исследователи при попытке ее объяснения. Но я бы также обратил внимание на употребленное В.М. выражение «режим тоталитарной неограниченной власти»: оно, как мне кажется, подчеркивает связь времен, перебрасывая «мостик» из XVI в. в век XX. В. М., как и многие ученые его поколения (А.А. Зимин, Я.С. Лурье, В.Б. Кобрин, А.Л. Хорошкевич), рассматривал события царствования Ивана Грозного через призму сталинской эпохи, которую им довелось пережить. Не этим ли объясняется их резко негативное отношение к московскому самодержавию?

Вполне разделяя гуманистический пафос этих замечательных ученых и их неприятие государственного насилия в любые времена, я все же считаю необходимым провести грань между публицистическими оценками и научными терминами, которые служат аналитическими инструментами при изучении той или иной эпохи. Можно ли считать такими терминами выражения «деспотическое самодержавие», «деспотическая монархия восточного типа», которые использует В. М. для характеристики политического строя России XVI в.?

К жанру публицистики принадлежат эмоциональные строки Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова, с которых В.М. начинает обзор литературы по проблеме возникновения «восточного деспотизма» в России: эти историки писали о поголовном рабстве, воцарившемся на Руси с приходом монголов;

Н. И. Костомаров считал татарское завоевание толчком к последующему формированию самодержавной монархии²⁸.

Ни Н. М. Карамзин, ни Н. И. Костомаров не были востоковедами и не интересовались подробно историей монголов или Золотой Орды. Не был востоковедом и старейший русский марксист Г. В. Плеханов (его тоже цитирует В. М.), обронивший фразу о том, что Иван Грозный «с помощью своей опричнины завершил превращение Московского государства в... монархию восточного типа»²⁹.

Полвека спустя М. П. Павлова-Сильванская в статье, опубликованной в рамках большой дискуссии об абсолютизме, подробно проанализировала взгляды классиков марксизма на природу абсолютной монархии на Западе и восточного деспотизма и пришла к выводу о том, что «неограниченная монархия в России складывается в виде “азиатских форм правления” (термин Ф. Энгельса. — М. К.) — деспотии — централизованной неограниченной монархии, которая формируется в борьбе с монгольской империей и ее наследниками на базе натурального хозяйства и общинной организации деревни, а затем укрепляется в процессе создания поместной системы, закрепощения крестьянства и перехода к внешней экспансии»³⁰.

Наконец, в начале 1990-х годов В. Б. Кобрин и А. Л. Юрганов опубликовали упомянутую выше статью, в которой вновь подняли вопрос о «деспотическом самодержавии», утвердившемся на Руси под влиянием ордынского ига и форсированной централизации.

Что объединяет все эти работы столь разных авторов XIX—XX вв., на которые ссылается в своем очерке В. М.? Прежде всего, это — европоцентризм и жесткая дихотомия между Западом

²⁸ *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в древней Руси // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб., 1872. С. 3–152, особ. с. 68–69, 87.

²⁹ *Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли // Сочинения. Т. XX. М.; Л., 1925. С. 193.

³⁰ *Павлова-Сильванская М. П.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–85, цит. с. 83.

и Востоком, при которой этот условный «Восток» наделяется всеми отрицательными характеристиками: такими как вековая отсталость, рабство и деспотизм, а Россия — в силу внутренних причин или под воздействием внешних факторов (монгольское нашествие и иго) — оказывается перед выбором и вступает (временно или навсегда) на «азиатский путь».

А между тем за условным понятием Востока скрываются очень разные общества, различавшиеся в том числе и по политическому строю. Так, исследования тюрко-монгольских кочевых империй Евразии показали, что они и их наследники (включая Золотую Орду и возникшие на ее обломках ханства) представляли собой военно-племенные союзы со слабой центральной властью и зачаточной бюрократией³¹. В этом отношении они резко отличались от европейских монархий и России. Поэтому распространенные представления о якобы определяющем влиянии Золотой Орды на генезис российской государственности не имеют под собой серьезных оснований: Орда не могла дать Руси то, чего не имела сама.

Зато Османская империя XVI–XVII вв. с ее мощной армией и развитой бюрократией обнаруживает немало общих черт с европейскими государствами и Россией той же эпохи: эти державы можно рассматривать как региональные варианты общего явления — государства раннего Нового времени³².

Резюмируя сделанные наблюдения, я полагаю, что «восточный деспотизм» — слишком расплывчатый и излишне идеологизированный термин, возникший в ту эпоху, когда востоковедение еще делало первые шаги, и поэтому он не может сейчас служить надежным исследовательским инструментом.

Но остается проблема, на которую справедливо обратил внимание В. М. и которая по-прежнему требует объяснения:

³¹ См. подробнее: *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. С. 18–19, 48–49 (здесь же указана библиография).

³² См.: *Кром М.М.* Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.

проблема сервильности русской аристократии, ее действительно большой зависимости от монархии.

Ограниченный объем статьи не позволяет мне остановиться на всех сюжетах, которые затронул в своем очерке В. М. Несомненный интерес, в частности, представляют его соображения по поводу судьбы реформ середины XVI в. (с. 62–69), роли земских соборов в политической жизни страны (с. 72–73, 93), значения закрепостительных мер конца XVI в. (с. 98).

Работе В. М. принадлежит особое место в отечественной науке: написанная на переломе эпох, эта, по сути, небольшая монография подвела итог советской историографии в исследовании ключевых вопросов российской истории XV–XVI вв. и наметила новые пути их изучения. Нет сомнений, что новые поколения исследователей будут обращаться к этому концептуальному труду, находя в нем тонкие наблюдения, острые, будящие мысль суждения и вопросы, требующие дальнейших изысканий.

Литература

Алексеев Ю.Г. Историческая концепция Русской земли и политическая доктрина централизованного государства // Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры (Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10). Л., 1987. С. 140–154.

Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.

Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 1952.

Володихин Д.М. Ты не прав, XVI век? // Родина. 1996. № 12. С. 42–46.

Государство вся Руси. Беседа с А. Хорошкевич // Родина. 1994. № 5. С. 21–26.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985.

Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989.

Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

Кольчева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987.

Костомаров Н. И. Начало единодержавия в древней Руси // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. Т. 12. СПб., 1872. С. 3–152.

Кром М. М. Когда отзвонил вечевой колокол // Родина. 1995. № 6. С. 35–39.

Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.

Кром М. М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.

Кром М. М. Идея суверенитета в политическом дискурсе Московской Руси XV века // Вестник Тверского гос. университета. Серия «История». 2020. № 1 (53). С. 23–36.

Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.

Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960.

Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М., 2006.

Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. В 2 ч. Ч. II. Объединение русских земель вокруг Москвы и образование Русского централизованного государства. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. Укрепление Русского централизованного государства (конец XV — XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в. М., 1955.

Павлова-Сильванская М. П. К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–85.

Панеях В. М. Русь в XV–XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы. От самодержавной к советской России / отв. ред. Б. В. Ананьич. СПб., 1996. С. 13–110.

Плеханов Г. В. История русской общественной мысли // Сочинения. Т. XX. М.; Л., 1925.

Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

Смирнов А. А. Государство сражающейся нации // Родина. 1994. № 9. С. 34–38.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Хорошкевич А. Л. История государственности в публицистике времен централизации // Общество и государство феодальной России. Сборник статей, посвященный 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975. С. 114–124.

Хорошкевич А. Л. Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х – середины 50-х годов // История СССР. 1991. № 6. С. 85–100.

Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.

Шмидт С. О. Единое европейское государство // Родина. 1995. № 9. С. 68–72.

Юрганов А. Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

Elliott J. A Europe of Composite Monarchies // Past and Present. 1992. No. 137. P. 48–71.

Hellie R. What Happened? How Did He Get Away with It? Ivan Groznyi's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints // Russian History. 1987. Vol. 14. P. 199–224.

Peltz W. Suwerenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Góra, 1994.

References

Alekseyev Yu. G. Istoricheskaya kontseptsiya Russkoi zemli i politicheskaya doktrina tsentralizovannogo gosudarstva, in: *Genesis i razvitiye feodalizma v Rossii. Problemy ideologii i kultury (Problemy otechestvennoy i vseobshchey istorii. No. 10)*. Leningrad, 1987, 140–154.

Alekseyev Yu. G. Osvobozhdeniye Rusi ot ordynskogo iga. Leningrad, 1989.

Bazilevich K. V. Vneshnyaya politika Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (vtoraya polovina XV veka). Moscow, 1952.

Cherepnin L. V. Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vekakh. Moscow, 1960.

Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei XIV–XVI vv. Moscow & Leningrad, 1950.

Elliott J. A Europe of Composite Monarchies // *Past and Present*, 1992. No. 137: 48–71.

Gosudarstvo vseya Rusi. Beseda s A. Khoroshkevich, *Rodina*, 1994, No. 5: 21–26.

Hellie R. What Happened? How Did He Get Away with It? Ivan Groznyi's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints // *Russian History*, 1987, vol. 14: 199–224.

Khodarkovskii M. Stepnyye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonialnaya imperiya. 1500–1800. Moscow, 2019.

Khoroshkevich A. L. Istoriya gosudarstvennosti v publitsistike vremen tsentralizatsii, in: *Obshchestvo i gosudarstvo feodalnoi Ros-*

sii. Sbornik statei, posvyashchennyi 70-letiyu akademika Lva Vladimirovicha Cherepnina. Moscow, 1975, 114–124.

Khoroshkevich A.L. Oprichnina i kharakter Russkogo gosudarstva v sovetskoj istoriografii 20-kh – serediny 50-kh godov, *Istoriya SSSR*, 1991, No. 6: 85–100.

Kobrin V.B. Vlast' i sobstvennost' v srednevekovoy Rossii (XV–XVI vv.). Moscow, 1985.

Kobrin V.B. Ivan Groznyj. Moscow, 1989.

Kobrin V.B., Yurganov A.L. Stanovleniye despoticheskogo samoderzhaviya v srednevekovoi Rusi (K postanovke problemy), *Istoriya SSSR*, 1991, No. 4: 54–64.

Kolycheva E.I. Agrarnyi stroi Rossii XVI veka. Moscow, 1987.

Kostomarov N.I. Nachalo yedinerzhaviya v drevnei Rusi, in: *Kostomarov N.I. Istoricheskiye monografii i issledovaniya*. Vol. 12. St. Petersburg, 1872, 3–152.

Krom M.M. Kogda otzvonil vechevoi kolokol, *Rodina*, 1995. No. 6: 35–39.

Krom M.M. «Vdovstvuyushcheye tsarstvo»: Politicheskij krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka. Moscow, 2010.

Krom M.M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheyevropeyskaya model' i regionalnyie razlichiya, *Novaya i noveyshaya istoriya*, 2016, No. 4: 3–15.

Krom M.M. Ideya suvereniteta v politicheskom diskurse Moskovskoy Rusi XV veka, *Vestnik Tverskogo gos. universiteta. Seriya «Istoriya»*, 2020, No. 1 (53): 23–36.

Kuchkin V.A. Formirovaniye gosudarstvennoy territorii Severo-Vostochnoy Rusi v X–XIV vv. Moscow, 1984.

Lurye Ya.S. Ideologicheskaya bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV – nachala XVI veka. Moscow & Leningrad, 1960.

Madariaga I. de. Ivan Groznyy. Pervyi russkii tsar'. Moscow, 2006.

Maslennikova N.N. Prisoyedineniye Pskova k Russkomu tsentralizovannomu gosudarstvu. Leningrad, 1955.

Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. IX–XV vv. Pt. II. Obyedineniye russkikh zemel' vokrug Moskvy i obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Moscow, 1953.

Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. Konets XV — nachalo XVII v. Ukrepleniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva (konets XV — XVI v.). Krestyanskaya voyna i bor'ba russkogo naroda protiv inostrannoi interventsii v nachale XVII v. Moscow, 1955.

Paneyakh V.M. Rus v XV–XVII vv. Stanovleniye i evolyutsiya vlasti russkikh tsarei // Vlast' i reformy. Ot samodержavnoi k sovetsoi Rossii. St. Petersburg, 1996, 13–110.

Pavlova-Silvanskaya M. P. K voprosu ob osobennostyakh absolyutizma v Rossii, Istoriya SSSR. 1968, No. 4: 71–85.

Peltz W. Suverenność państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Góra, 1994.

Plekhanov G. V. Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli, in: Sochineniya. T. XX. Moscow and Leningrad, 1925.

Rakhimzyanov B. R. Kasimovskoye khanstvo (1445–1552 gg.). Ocherki istorii. Kazan, 2009.

Smirnov A. A. Gosudarstvo srazhayushcheysoya natsii, Rodina, 1994, No. 9: 34–38.

Shmidt S. O. Yedinoye yevropeyskoye gosudarstvo, Rodina, 1995, No. 9: 68–72.

Yurganov A. L. Russkoye natsionalnoye gosudarstvo. Zhiznennyi mir istorikov epokhi stalinizma. Moscow, 2011.

Volodikhin D. M. Ty ne prav, XVI vek? Rodina, 1996, No. 12: 42–46.

Zimin A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni (ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoi treti XVI v.). Moscow, 1972.

Zimin A. A. Rossiya na rubezhe XV–XVI stoletii: (Ocherki sotsialno-politicheskoy istorii). Moscow, 1982.

Zimin A. A. Vityaz' na rasput'ye: Feodalnaya voyna v Rossii XV v. Moscow, 1991.